

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Трагедия одиночества и «сплошной быт»

1

Годы, которые мы называем периодом культа, были весьма сложными и противоречивыми. С одной стороны — практическая деятельность народных масс, строящих социализм, преобразующих общество на новых началах, меняющих облик родной земли; с другой — авторитарная воля одного человека, которая часто действовала вопреки народной практике. Это не раз подчеркивалось в решениях XX и XXII съездов партии и в речи Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года. В постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» дается подлинно марксистский анализ причин возникновения культа личности Сталина. «При рассмотрении этого вопроса, — говорится в постановлении, — надо иметь в виду как объективные, конкретные исторические условия, в которых происходило строительство социализма в СССР, так и некоторые субъективные факты, связанные с личными качествами Сталина». Следовательно, писатель, который взялся сказать правду о временах культа, не может не учитывать этого. Он должен ясно видеть в жизни действие главных, определяющих сил. Субъективные факты, взятые сами по себе, без учета реальных условий, не могут правдиво объяснить события тех лет, тем более, если эти факты принять за единственно могущественную реальность.

«Это значило бы, — подчеркивается в постановлении, — приписывать отдельной личности такие непомерные, сверхъестественные силы, как способность изменить строй общества, да еще такой общественной строй, в котором решающей силой являются многомиллионные массы трудящихся».

В свое время Сталин выдвинул ошибочную формулу о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба все более обостряется. Таким образом, массовые репрессии и беззакония выдавались за объективно действующую закономерность. Это было грубейшим извращением ленинизма, ибо гуманистическая природа советского общества исключает такую закономерность. Тем не менее вследствие культа личности сложилось положение, породившее немало трагических ситуаций. Сущность трагедии времен культа заключалась в том, что воля одного человека насилывала действительность, обрушивалась на головы тысяч и тысяч честных советских людей репрессии, тюрьмы, ссылки. Это насилие прикрывалось ширококвещательными формулами и декларациями, его трудно было распознать, что еще более усугубляло трагизм положения. Это была трагедия особого рода. Она-то и приковала к себе в последнее время внимание некоторых писателей.

А. Солженицын знаком нашему читателю по трем произведениям. Но мы уже смело можем сказать, что наиболее за-

метная и вместе с тем наиболее спорная сторона его творчества — трагедийное. Это сказалось не в выборе темы (все три вещи А. Солженицына написаны на разные темы), а в социальном и философском осмыслении жизни, во взгляде на конфликт и на героя.

Повесть «Один день Ивана Денисовича» — не только картина лагерной жизни, не только резкий протест против беззакония периода культа личности. Замысел писателя значительно сложнее и, на мой взгляд, содержит в себе немало глубоких противоречий.

Герой повести, Иван Денисович, не является исключительной натурой: это «рядовой» человек, притом «рядовой» в самом точном смысле этого слова. Его духовный мир весьма ограничен, его интеллектуальная жизнь не представляет особого интереса. Но в целом Иван Денисович в немалой мере интересен. Чем же?

Прежде всего тем, что именно «рядовой», обыкновенный человек поставлен в центр трагических событий, что все события переданы сквозь «призму» его восприятия. Хочется знать, как же простой человек, выдвинутый автором в качестве глубоко народного типа, будет осмысливать ту потрясающую обстановку, которая его окружает.

И по самой жизни и по всей истории советской литературы мы знаем, что типичный народный характер, выкованный всей нашей жизнью, — это характер борца, активный, пылкий, действенный. Но Шухов начисто лишен этих качеств. Он никак не сопротивляется трагическим обстоятельствам, а покоряется им душой и телом. Ни малейшего внутреннего протеста, ни намек на желание осознать причины своего тяжелого положения, ни даже попытки узнать о них у более осведомленных людей — ничего этого нет у Ивана Денисовича. Вся его жизненная программа, вся философия сведена к одному: выжить! Некоторые критики умилились такой программой: дескать, жив человек! Но ведь жив-то, в сущности, страшно одинокий человек, по-своему приспособившийся к каторжным условиям, по-настоящему даже не понимающий неестественности своего положения. Да, Ивана Денисовича замордовали, во многом обезчеловечили крайне жестокие условия — в этом не его вина. Но ведь автор повести пытается представить его

примером духовной стойкости. А какая уж тут стойкость, когда круг интересов героя не простирается далее лишней миски «балабанды», «левого» заработка и жажды тепла.

Повторяю: я не собираюсь строго судить героя А. Солженицына, мой жизненный опыт не дает мне на это права. Та суровая действительность, в которой жил Шухов, могла по-всякому изуродовать человека. Были там и Шуховы, но были и кавторанги Буйновские. Все могло быть. Но я решительно не согласен ни с автором повести, ни с его критиками, которые стремятся представить Ивана Денисовича типичным народным характером. Если в Шухове и есть черты такого характера, то они скорее унаследованы не от советских людей 30—40-х годов, а от того патриархального мужичка, который нашел свое законченное воплощение в образе Платона Каратаева.

Не надо искать в образе Ивана Денисовича то, чего в нем нет. Достаточно того, что он вызывает в нас протест против тех, кто поставил невинного труженика в жесточайшие условия, планомерно вытравливая в нем все человеческое. Слабость его в том, что он отнюдь не может быть примером духовной стойкости, как это стремятся представить некоторые критики.

Узость «жизненной программы» Ивана Денисовича привела к тому, что он, в сущности, одинок. Ни Алеша-баптист, ни кавторанг Буйновский, ни Цезарь — его соседи по бараку — не смогли стать близкими ему людьми. Автор не раз подчеркивает, что Иван Денисович не понимает многих своих собратьев по несчастью. Вспомните, например, разговор Цезаря и бухгалтера, при котором присутствует Шухов. Здесь особенно отчетливо видно, как далек он от понимания тех вопросов, которые, наверное, многих волнуют в лагере. Или сцена в посылочной: «Они, москвичи, друг друга издаля чувят, как собаки. И, сойдясь, все обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда лопочут, так редко русские слова попадают, слушать их — все равно как латышей или румын».

Не понимает Иван Денисович и жизнь, которая осталась за колючей проволокой. «Жизни их не поймешь», — думает он.

Более того, лагерная жизнь для Ивана Денисовича представляется единственной реальностью, а все остальное отошло в прошлое и как бы умерло. Временами он и сам не знает, хотелось бы ему вырваться на свободу или уж по привычке коротать свой век от подъема до отбоя за колючей проволокой... Нет, не может Иван Денисович претендовать на роль народного типа нашей эпохи.

Андрей Соколов из рассказа М. Шолохова «Судьба человека» — тоже «рядовой» человек, оказавшийся в не менее трагической ситуации, чем Иван Денисович. Вопрос Соколова: «За что ж ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» — мог бы стать вопросом: зачем такая жизнь? И тогда бы пропасть непонимания могла отделить Соколова от людей. Но этого не было. «Теплый зяблого разве когда поймет?» — это сказал Иван Денисович. Мог бы сказать и Андрей Соколов. Но не сказал. Не мог он этого сказать, потому что он неутомимый жизнестроитель и борец, потому что Андрей Соколов в несравненно большей степени сын эпохи, чем Шухов. Поэтому герой Шолохова и стал подлинно народным, истинно национальным типом.

Два рассказа А. Солженицына, которые появились недавно, многое прояснили и уточнили из того, что было заложено и едва намечено в повести.

Рассказ «Случай на станции Кречетовка» после первого чтения оставляет весьма странное впечатление, что-то похожее на неудовлетворенность. Сначала это объясняешь некоторой художественной незаконченностью его. Ты ждешь случая, который обещаю тебе, но этот случай долго не происходит, а свершается наконец как-то скомканно, под занавес. Экспозиция рассказа представляется непомерно затянутой. Но когда начинаешь вдумываться в существо происходящего, когда глубже вникаешь в замысел автора и снова обращаешься к тексту, неожиданно открываешь стройность, продуманность и целесообразность композиции.

В самом деле, в пространной экспозиции рассказа на первый взгляд даны как бы внутренне не связанные эпизоды, как будто автор задается целью показать пестроту военного быта. Но в действительности за этой кажущейся пестротой таится единство замысла. Герой рассказа лейтенант Зотов предстает перед нами

в разных положениях и в любом из них вызывает у нас горячее сочувствие. Автор многократно подчеркивает его незаурядность, мягко убеждая нас, какой, в сущности, хороший и добрый малый этот лейтенант Зотов. Он мог по состоянию здоровья не служить в армии, но сам добился права защищать Родину. Очень трогает его застенчивая, целомудренная любовь к жене, его моральная стойкость. В тяжелый год войны Зотов мучительно думает о всем происходящем, пытается самостоятельно найти ответы на многие вопросы. В этот трудный год Зотов упорно изучает «Капитал» Маркса, видимо, сверяя с ним собственные мысли. На своем посту он не формально несет службу, а весь отдается ей. Это выразилось и в его отношениях к начальнику конвоя Дыгину, к которому он проявил настоящую человечность. В натуре Зотова есть нечто самоотверженное, героическое.

Но вот рассказ подходит к концу, и происходит тот самый случай, который нам обещан. В действие вводится некий ополченец, в прошлом артист, Тверитинов. Он отбил от окруженцев, направляющихся по назначению, вынужден их догонять и находится в затруднительном положении. Лейтенант Зотов принимает самое горячее участие в его судьбе. Очень трогательные сцены рисует автор. Тверитинов не имеет при себе никаких документов, и, несмотря на особые строгости в отношении к окруженцам, Зотов проникается к нему большим доверием. Зотову достаточно фотографии семьи Тверитинова, чтобы окончательно поверить ему. Между ними происходит небезынтересный разговор, в разное время которого смутно упоминается о 1937 году. «А что было в тридцать седьмом? Испанская война?» — спрашивает Зотов. Но Тверитинов заминает этот разговор. Потом происходит ничтожное, пустяковое недоразумение: Тверитинов не знает города Сталинграда. «И все оборвалось и охолонуло в Зотове! Возможно ли? Советский человек — не знает Сталинграда? Да не может этого быть никак. Никак! Никак! Это не помещается в голове!.. (значит, не окруженец. Подослан! Агент! Наверное, белоэмигрант, потому и манеры такие)». Рассказ кончается трагически. Зотов арестовывает Тверитинова и препровождает в НКВД, а сам остается наедине с угрызениями совести.

Каков же объективный смысл так точно построенного и продуманного рассказа?

Прежде всего рассказ оставляет впечатление трагизма не столько от загубленной судьбы Тверитинова, сколько от тех душевных мук, на которые обрек себя такой распрекрасный человек, как Зотов: «Но никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека». Его застенчивое предательство, обставленное психологическими переживаниями неразвращенной, целомудренной души, вызывает в нас сострадание к нему — сострадание к предателю. Ведь нам представили его таким хорошим, ведь мы успели его полюбить. Да ведь и грех-то свершился как-то вдруг, как-то нелепо, как будто по наущению, по наитию, словно какая-то мистическая сила совратила Зотова со столь твердой дороги.

Ну, хорошо! Ну, допустим, что в ту пору, когда на Кречетовке разбило бомбой эшелон с воинским грузом, могли приехать сотрудники НКВД, чтобы предотвратить возможные хищения продуктов. В подобной ситуации, наверное, создалась бы атмосфера подозрительности, звиниченной бдительности, которая дала бы определенный настрой мыслям и чувствам Зотова. Тогда было бы понятно, отчего мог потерять голову Зотов. В угаре общей подозрительности и он мог бы проявить «сверхбдительность». Но нет, ничего подобного не было. Напротив, все было так распрекрасно, а подлость все-таки совершена.

В чем же дело?

Сущность трагедии, которая разыгралась на станции Кречетовка, на мой взгляд, заключается в следующем. Действительность, которая сформировала в Зотове все лучшее и доброе, та действительность, которая в начале рассказа с такой дотошной подробностью нарисована, та действительность, в которую мы поверили умом и сердцем, вдруг рассыпалась, как карточный домик. Ее реальные черты расплылись, распались, образуя нечто туманное, как будто и вовсе никогда не существовавшее. Ведь все — и патриотизм, и гуманизм, и мысли, вызванные чтением «Капитала», и верность, и нравственная чистота, — все эти твердые устои характера и мировоззрения героя оказались вдруг удивительно хрупкими, непрочными, как мимолетная форма облака. Малейшее дуновение злого

ветра — и нет этой прекрасной формы, а есть другая — чудовищная и непонятная. «А что было в тридцать седьмом?» — этот дважды и глухо повторенный вопрос как бы бросает кровавый отсвет на другую реальность, грозную, все-могущую и единственно прочную.

В начале статьи я уже сказал, что беззакония в период культа личности выдавались за объективную необходимость. Но если мы признаем эти беззакония необходимыми, объективными, то логично будет признать всю действительность трагической. По моему убеждению, это и случилось с автором рассказа «Случай на станции Кречетовка». В силу узости идейного осмысления жизни, непонимания объективных исторических процессов А. Солженицын приписал природе нашего строя и людям, воспитанным этим строем, качества, которые отнюдь не составляли существа самой действительности и людей, выросших в ее условиях. Этого автор не понял или не хотел понять. Отсюда неверие в подлинную действительность, отрицание ее гуманистических основ. Отсюда же моральный крах лейтенанта Зотова.

2

С того времени, когда русская литература открыла для себя крестьянина, никогда не ослабевал ее интерес к нему. Психология героя из крестьян разрабатывалась с большой тщательностью и с разных точек зрения. Но одни идеализировали его наивность, патриархальность, другие не менее сильно обличали его звериный быт, забитость, консерватизм. И то и другое не было полной правдой, сказанной о русском крестьянстве, хотя и то и другое жило в нем. Говоря о противоречиях Толстого, В. И. Ленин не раз подчеркивал противоречивость крестьянского движения, отмечая в нем и «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого» и «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости». Только пролетарская литература, верная своим классовым интересам, смогла правдиво отразить эти противоречия крестьянской жизни, увидеть в ней и консерватизм и революционную силу.

В своей речи перед деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года

Н. С. Хрущев, говоря о творчестве Демьяна Бедного, особенно подчеркнул следующее: «Огромное воспитательное значение произведений Демьяна Бедного состоит в том, что поэт с революционных позиций гневно осуждает колебания, неустойчивость крестьянина и вместе с тем разъясняет ему пагубность этих шатаний и колебаний для интересов самого крестьянства. Поэт помогает крестьянину понять, что в его интересах быть в неразрывном союзе с рабочим классом под руководством большевистской партии».

Октябрьская социалистическая революция освободила крестьянина в правовом и социальном отношении, сбросила с него помещичий гнет и дала ему землю. Но это еще не было полной свободой. Закрепощенный «властью земли», он оставался тем же крестьянином-единоличником, каким был до революции. Земледельческий труд продолжал полностью поглощать внимание крестьянина, составляя содержание всей его духовной жизни. И мысль его нигде не была так свободна, как в сфере этого труда, в сфере прежних единоличных привычек. Но революция стремительно изменяла действительность, и это не могло не сказаться на деревенской жизни. «Когда люди, — писал Плеханов, — держатся за данные общественные отношения лишь в силу старой привычки, между тем как действительность идет в разрез с их привычкой, то можно с уверенностью сказать, что отношения эти близятся к концу. Тем или другим образом они будут заменены новым общественным порядком, на почве которого возникнут новые привычки».

Новый общественный порядок в деревне утвердился в результате коллективизации — этой невиданной в истории русского и мирового крестьянства революции. Она принесла с собой новые формы отношений, новые привычки и покончила раз и навсегда с вековой дикостью и разобщенностью крестьянина. Этот процесс необратим, он может только углубляться, испытывая временами трудности.

Советский писатель, взявшийся за деревенскую тему, не может не учитывать революционных преобразований в деревне, если хочет быть правдивым до конца.

В последнее время советская литература более пристально и широко исследует деревенскую жизнь, что объясняет-

ся той огромной работой, которую проводит партия и весь народ, ликвидируя последствия культа личности, тяжело отразившиеся на сельском хозяйстве. Коллективные начала, заложенные еще в первые годы коллективизации, успешно развивавшиеся вопреки трудностям времен культа, являются прочной основой для нового подъема в деревне. Этот подъем уже нашел известное отражение в нашей литературе. Но, к сожалению, не всегда талантливо и, что особенно печально, не всегда верное и правдивое.

«Вологодская свадьба» А. Яшина была резко осуждена читателями на страницах «Известий» и «Комсомольской правды», но не стала предметом серьезного разбора в нашей критике, а жаль: просчеты этого произведения по-своему поучительны.

«Вологодская свадьба» — это повесть о нравах современной деревни, вобравшая в себя элементы этнографического очерка, усиливающие ее документальность. Уже первые сцены обещают много забавного и смешного из быта глухой вологодской деревушки. Чтобы описать сельские нравы, автор избрал весьма примечательную ситуацию — свадьбу: русский мужичок под хмельком и словоохотлив и откровенен, склонен превращать застолье в бурное собрание с весьма емкой повесткой. И потом: всякое празднество есть демонстрация лучшего, а порой и худшего. «Любой пир — прежде всего люди, — пишет автор. — Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру. На всяком сельском празднике обязательно пляшут и плачут, спорят и вздорят, смеются и дерутся; одни молчат, другие кричат, молодилцы поют, вдовы слезы льют».

Ну, как же! В такой непритязательной, разухабистой обстановке как нельзя лучше можно поговорить о самых серьезных вещах, подобрать ключи к сердечным тайнам людей и втихомолку собрать материал для реалистической повести, где, разумеется, будут действовать типические герои в столь типических обстоятельствах!

А вот и «типические» герои: «типично русские правдоискатели, ратующие за справедливость, за счастье для всех» (автор называет их также «самосожженцами», они любят ставить мировые проблемы: что делать? как быть? кто виноват?); скромные сельские хвастуны, ко-

торые хвастаются, кто чем может: один — пластмассовыми зубами, другие — изобретательностью: осоку после ледостава покосили, коз афишами и газетами накормили... И чего-чего только они не делают! Разве только, как говорил Салтыков-Щедрин, сальных свечей не едят, стеклом не утираются, да реку толчком не замешивают, да рака колокольным звоном не встречают. Этим, пожалуй, и отличаются от своих далеких предков-пошехонцев. А вот «сидят две свободные, раскрепощенные, чуть подвыпившие женщины на кухоньке» и гадают потихоньку: кого из них скорее муж в гроб загонит. От их беседы волосы дыбом встают, а автору — ничего, только иронизирует: вот то-то, мол, «свободные, раскрепощенные!» Остальная публика не менее любопытна. Мужчины, как правило, хулиганы, воры-рецидивисты либо готовы стать таковыми. Попадают среди них и такие, как брат невесты: «Работяги, из тех работяг, на которых везде воду возят».

Все, что может быть худшего в человеке, вся вековая грязь быта закабаленного русского крестьянства прошлых времен — пьянство, консерватизм, завистливость, забитость, зверское отношение к женщине — все это собрано в кучу и должно изображать из себя повествование о нравах современной деревни. Безотраднa картина жизни деревни, которую рисует А. Яшин. При чтении «Вологодской свадьбы» вспоминаются жестокие повести о деревне Г. Успенского, А. Чехова, И. Бунина, написанные ими в тот период, когда упадок и разложение патриархальных отношений достигли особой силы. Можно думать, что деревня, показанная А. Яшиным, с того времени шагу не сделала вперед. Автор только и смог назвать некоторые современные понятия, да и то, чтобы предать их осмеянию. Ничего, по мнению автора, не изменилось: как и прежде, все талантливое, здоровое бежит из деревни; как и прежде, город прабит крестьянство (перечитайте те страницы, где рассказывается об отношениях льнозавода с колхозом). Даже грамотность в деревне не радость, а бремя. Больше того, элегические вздыхания автора о колокольчиках, о переполненных добром кованых сундуках, о примитивных крестьянских орудиях прошлого, за ненадобностью сваленных на чердаках, — все это долж-

но вызывать сожаление о «старых добрых временах». «Идиотизм деревенской жизни», отмеченный сто лет назад К. Марксом и связанный с укладом старой деревни, с ее замкнутостью и изолированностью, использован А. Яшиным для критики современной деревенской действительности. Он не увидел в ней ничего светлого, ничего достойного одобрения и утверждения.

В свое время В. Воровский критиковал повесть И. Бунина «Деревня» за то, что автор ее не увидел в русской деревне ни новых людей, ни новых общественных веяний. Он писал: «Таким образом, приходится признать, что Бунин, давая нам неполную картину, а тем самым одностороннюю картину жизни деревни, не подмечая того нового, что нарастает в ней нередко в несуразных уродливых формах, усматривая в разложении старого только упадок, только гниение, дал свидетельство узости своей собственной психики, неспособности воспринимать наблюдаемое явление в формах его движения, его развития. Благодаря укладу его психики он смог воспринять и художественно переработать лишь часть процесса, лишь его первую половину — именно разложение старого, в то время, как зарождение нового, то есть неразрывно связанная вторая половина процесса ускользала из поля его художественного зренья».

То, что у Бунина было полуправдой, у Яшина обернулось полной неправдой. Бунин в своей повести увидел часть процесса, одну половину его, дав картину нищающей деревни. А Яшин не увидел самого главного — си показал задворки.

Такой взгляд писателя на деревенский быт обусловил и принцип показа людей. Крестьяне, нарисованные в «Вологодской свадьбе», сами по себе уже не оставляют никаких надежд на будущее. Они не несут в себе ничего нового, в них нет ничего потенциального — это выморочные люди, крайне разобщенные, способные рождать только худородное и злое. Даже физически многие из них неполноценны, со следами вымирания.

Характеры в повести психологически не разработаны, не индивидуализированы. И вовсе не потому, что писатель не сумел этого сделать, а потому что он смотрит на своих героев как на что-то бесформенное, сплошное, неспособное выделить из себя сколько-нибудь четко

обозначенную индивидуальность, яркую личность. В свое время Г. Успенский писал о «сплошном быте нашего крестьянства», где «миллионы живут, как прочие, причем каждый отдельно из этих прочих чувствует и сознает, что цена ему во всех смыслах грош, как воoble, и что он что-нибудь значит только в куче».

«Сплошной быт» характерен для патриархальной деревни, еще не тронутый капитализмом, где «власть земли» равняла всех, поработчала индивидуальность и отрицала личность. «Но «сплошной быт» не есть еще человеческий быт в настоящем смысле слова этого, — отмечал Плеханов. — Там, где нет внутренней выработки личности, там, где ум и нравственность еще не утратили своего «сплошного» характера, — там, собственно говоря, нет еще ни ума, ни нравственности, ни науки, ни искусства, ни сколько-нибудь сознательной общественной жизни».

В наши дни колхозная деревня демонстрирует массовый трудовой героизм, она выделяет из своей среды множество талантливых людей, которые являются гордостью страны. Коллективные начала, определившие быт села, как нельзя лучше способствуют внутренней выработке личности, расцвету ее. Освобожденный от «власти земли» крестьянин стал к ней в новые отношения — свободные отношения коллективного производителя к средству производства. Механизация освобождает крестьянина от непосильной, почти круглосуточной работы и дает простор для духовного и культурного роста.

Ничего этого не увидел или не хотел увидеть А. Яшин. Отдав свое дарование ложной идее, он нарисовал не современность, а далеко не привлекательную старину. Спору нет, и пьянство, и воровство, и озлобление он мог подметить в жизни. Есть у нас, к сожалению, и недостатки как в самом колхозном производстве, так и в деревенском быту. И серьезные недостатки. О них откровенно говорит наша партия. Но подлинный художник-пражданин берет действительность во всей ее сложности и противоречиях, выделяя в ней ведущие тенденции и осмысливая их с позиций коммунистической партийности.

3

Где-то «Вологодская свадьба» смыкается с рассказом А. Солженицына «Матренин двор». Эта общность — в от-

ношении к действительности, в позиции автора.

«Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была», — признается рассказчик. Такой уголок он нашел — это деревня, в которой жила героиня рассказа Матрена. Следовательно, нам предстоит познакомиться с жизнью Матрены и ее односельчан, то есть с тем, что рассказчик называет «самой нутряной Россией».

Какой же предстает перед нами Матрена? В ней действительно немало привлекательных черт: нравственная чистота, бескорыстие, трудолюбие. Хворая, в преклонном возрасте, она трудится не покладая рук. Трудом она лечит и душевные и физические недуги свои. Казалось бы, труд составляет ее счастье, цель, ради которой она живет. Но если внимательно присмотреться к образу жизни Матрены, то можно заметить, что Матрена — рабыня труда, а не хозяйка. Поэтому односельчане, особенно родственники, бессовестно эксплуатируют ее, а она покорно несет свой тяжкий крест. Покорность Матрены поистине удивительна. В ранней молодости любила она того самого Фаддея, который впоследствии стал причиной ее гибели. Но Фаддей ушел воевать, и вышла Матрена замуж за его брата Ефима. «Рук у них не хватало. Пошла я...» — объясняет она. Так и сложилась ее личная судьба — без любви, без детей, без внутренней свободы. Матрена не способна противостоять враждебным обстоятельствам. Исстари заведенный порядок механически управляет ее жизнью, оставляя Матрену равнодушной к радостям и горестям людей. Сколько-нибудь глубокие чувства чужды ей. Она не испытывает ни счастья, ни недовольства, хотя на ее долю выпало немало тяжкого. Одним словом, живет по пословице: «День пережит, и слава богу».

Социальная инертность, нравственная первозданность, обособленность и, подобно Ивану Денисовичу, одиночество среди людей — вот основные черты ее характера. Жизнь Матрены обрывается трагически: она гибнет при перевозке злосчастного сруба. Гибнет потому, что мир, в котором она жила, оказался настолько суровым и беспощадным, что он непременно должен был погубить ее. Ей нет места в этой действительности, с самого

начала она несла на своем челе печать жертвенности. Смерть Матрены, вопреки кажущейся случайности, является предначертанной. «Сорок лет пролежала его (Фаддея. — Н. С.) угроза в углу, как старый тесак, — а ударила-таки».

Но что же это за роковая сила, которая смогла убить безгрешную Матрену? Это мир стяжателей, предприимчивых дельцов, бессовестных хищников. Его олицетворяет старик Фаддей. Но если верить автору, помимо Фаддея, против Матрены выступают и колхоз, который, отнимая ее силы, не давал взамен ничего, заставлял работать «за палочки»; и трест торфоразработки, отношение к которому крестьян напоминает былые отношения к барину («Что ж, всорвали раньше лес у барина, теперь тянули торф у треста»).

Странно, что в произведениях А. Солженицына наше общество иногда предстает как бы разделенным на «богатых» и «бедных». «Богатые» так или иначе притесняют «бедных», а последние норовят урвать у них часть богатств. Разумеется, взаимопонимания между ними никакого быть не может. «Теплый зяблого разве когда поймет?» — говорит Иван Денисович, для коего и лагерь разделен на «бедных» и «богатых» (богатые — это бригадиры, писаря, повара, люди типа Цезаря). В рассказе «Случай на станции Кречетовка» некая тетя Фрося, поучая молоденького диспетчера Подшебякину выменивать у эвакуированных «добро», говорит: «Бедных я, Валюша, всегда жалю, богатый — пощады не проси!». В Матрениной деревне «богатыми» являются «начальники», которые только тем и заняты, чтобы себя обеспечить («рычали кругом экскаваторы на болотах, но не продавалось и торфу жителям, а только везли — начальству, да кто при начальстве...»).

Многое мешает Матрене: и трест, и колхоз, и местная власть, где за «бумажку» нужно кланяться, и врачи, которые лечат ее с явной неохотой.

« — А почему вы коровы не держите, Матрена Васильевна? » — спрашивает рассказчик.

« — Э-эх, Игнатич, — разясняла Матрена, стоя в нечистом фартуке в кухонном дверном вырезе и оборотясь к моему столу. — Мне молока и от козы хватит. А корову заведи, так она меня самую с ногами съест. У пологна не ско-

си — там свои хозяева, и в лесу косить нету — лесничество хозяин, и в колхозе мне не велят — не колхозница, мол, теперь. Да они и колхозницы до самых белых мух все в колхоз, а себе уж из-под снега что за трава?... Побывалошному кипели с сеном в межень, с Петрова до Ильина. Считалась трава — медовая...» Невольно вспомнишь «Вологодскую свадьбу», где выкосили «всю осоку уже после ледостава», где льнозавод грабит колхозников.

Таким образом, в изображении двух столь различных авторов общественные начала нашей жизни, призванные служить интересам трудящихся, выглядят... враждебной, притесняющей силой. Но если в «Вологодской свадьбе» нет никакой положительной силы, которая как-то скрасила бы беспросветную жизнь, то в рассказе Солженицына она есть — это Матрена.

Матрена, по мысли автора, — идеал русской женщины, первооснова всего бытия. «Все мы, — завершает свое повествование о жизни Матрены рассказчик, — жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни зся земля наша».

Русское праведничество, на которое ссылается Солженицын, имеет очень давнюю историю и, как видно, еще может кого-то волновать и сегодня. Праведничество родилось в определенных исторических условиях, оно плод отчаяния забитого народа, особенно процветавшее в периоды исторического застоя, беспросветности, когда отчаявшимся людям нужны были утешители. И они приходили. Они навевали «золотые сны», измышляли разные утопии, образуя среди «нищих духом» те странные, бесплодные течения, которыми так богата наша история. Но как только начинались бурные события и общественные погрязения, народ выдвигал из своей среды не праведников, а бунтарей — Разиных и Пугачевых. Праведничество — это религия слабых, сектанство, извечная оппозиция всему живому и развивающемуся. Самн праведники никогда в народе не пользовались большим уважением; их слушали, иногда им сочувствовали, но больше иронизировали над ними.

Матрена, конечно, не проповедует никаких идей, никаких утопий, но она пра-

ведница по образу своей жизни — смиренным, покорством, жертвенностью.

Так Матрена, которая по замыслу автора должна стать идеалом русской женщины, явилась всего лишь «напылом» прошлого на современность. Бурное время, в которое ей выпало жить, не коснулось ее, не затронуло ее душу, а обошло стороной. Она пришла в настоящее, как призрак замордованной русской крестьянки, которой жизнь ничего не давала, но все отнимала. Поэтому Матрена не представляет собой никакой социальной силы. Влияние ее невозможно, это признает и автор: он подчеркивает не раз, что в селе Матрену недолюбливали и слегка презирали, что она совершенно одинока.

Нет, характер русской женщины складывался по-иному. Советская литература, верная правде жизни, смогла всесторонне показать судьбу женщины-крестьянки. Она проследила путь освобождения женщины, приобщения ее к прогрессивным движениям века, к высотам социальной сознательности и активности. Это был нелегкий, но устремленный в будущее путь. Нелегкий потому, что женщине нужно было преодолеть двойное бесправие, двойной гнет.

В эпопее М. Шолохова «Тихий Дон», где отражено пробуждение различных слоев крестьянства, удивительно точно подмечена одна историческая черта: запоздалая реакция женщин на революционные события. В самом деле, когда мужчины уже вступили на арену классовых битв, когда революция разделила хутор Татарский на два враждебных лагеря, когда «брат пошел на брата», казачки как бы остались в стороне. Душа Григория Мелехова, мучительно решающего вопрос: «с кем идти», с этой стороны осталась для Аксиньи «за семью печатями». Сестра Григория Дуняша, оказавшаяся между враждующими братом и возлюбленным Михаилом Кошевым, тоже не задумывается над смыслом этой вражды. И Аксинья и Дуняша остались глухи к социальным вопросам, они просто-напросто не понимали их. Все это так. Но Шолохов не был бы великим писателем, если бы не заметил того начавшегося сдвига, который захватил и сельских женщин. Он показал это на судьбе Аксиньи, которая стихийно, но с огромной силой отозвалась на события. Она раскрепостила свою страсть, бросила вызов былому бесправью и забитости жен-

щины и совершила нравственный подвиг. Нравственное освобождение — вот смысл бунта Аксиньи.

По-иному раскрывает М. Шолохов судьбу женщины в «Поднятой целине». Правовое и социальное неравенство уже было уничтожено, но процесс полного освобождения женщины еще не завершился. Это стало возможным, когда коллективизация точно обозначила долю труда женщины в колхозном производстве и сняла отнюдь не призрачный в прошлом институт «кормильца». Казачки (первая книга «Поднятой целины») вовлечены в самую гущу глубочайшего революционного переворота, означавшего приход социализма в деревню. Они с невиданной до сих пор активностью включились в события, которые захватили гремяченский хутор. Правда, действия женщин порой носили еще стихийный, несознательный характер («бабий бунт»), поскольку сила прежних косных привычек цепко держала их в своей власти. Но так или иначе приход социализма означал конец социальной инертности деревенской женщины. А образ Вари, с такой любовью нарисованный М. Шолоховым во второй части «Поднятой целины», уже олицетворяет тип новой русской крестьянки, которая отныне заявила о себе как о реальной общественной силе в колхозной деревне. В Варе столько внутреннего достоинства, свободы, самостоятельности, столько готовности быть наравне с веком, что она, конечно же, на голову выше Аксиньи и Дуняши.

Опыт Шолохова служит убедительным примером чуткости художника к движению времени, к тем глубоким, коренным преобразованиям, которые произошли в нашей деревне. Это позволило великому писателю создать подлинно народные типы, которые навсегда войдут в галерею неумирающих героев, созданных советской литературой.

Годы Великой Отечественной войны с новой силой продемонстрировали высокую сознательность советской крестьянки, которая с чувством гражданской ответственности приняла на свои плечи все тяготы сельского труда, чтобы помочь Родине выстоять против врага. В замечательном стихотворении «Русской женщине» М. Исаковский писал:

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть,
И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

В общественную биографию советской женщины ее подвиг в годы войны навечно вписан как беспримерный подвиг. В наши дни женщина вызывает к жизни мощные общественные движения, показывает образцы коммунистического труда. Имена многих героинь известны всей стране. Их по праву называют «маяками». Не солженицынская Матрена, а такие, как Гаганова, Долинюк, Заглада, составляют основу нашей жизни. Это без них, говоря языком А. Солженицына,

«Не стоит село.
Ни город.
Ни вся земля наша».

И в повести А. Яшина и особенно в произведениях А. Солженицына есть немало точно схваченных деталей, правдиво подмеченных фактов, которые сами по себе могут представлять интерес. Но в целом эти произведения оставляют чувство глубокой неудовлетворенности, поскольку воссоздают жизнь односторонне, без исторической перспективы.

Истинно художественное произведение открывает перед читателем необозримые горизонты жизни, приобщает его к великим идеям века и зовет к борьбе. Для

советского писателя эти идеи определяются всемирно-исторической задачей построения коммунистического общества. Поэтому его отношение к действительности лишено пессимизма и неверия. Оно всегда действенно и глубоко оптимистично. И вот именно поэтому советская литература создала тип нового героя — борца, неутомимого преобразователя и жизнестроителя, которому чужды унылая покорность, пассивность, равнодушие к бурям эпохи. Это — главное и бесценное завоевание нашей литературы.

«Только выдающиеся произведения большого революционного, созидательного пафоса, — говорил Н. С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года, — доходят до глубины души и сознания человека, рождают в нем высокие гражданские чувства и решимость посвятить себя борьбе за счастье людей. Авторы таких произведений достойно, заслуженно пользуются признательностью народа. К созданию произведений такой высокой идейности и художественной силы воздействия на умы и чувства людей призывает Коммунистическая партия писателей, художников, композиторов, работников кино и театра».

Источник: Сергованцев Н. Трагедия одиночества и «сплошной быт» / Н. Сергованцев // Октябрь. — 1963. — № 4. — С. 198–207.